

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ NOVGORODIANA SVESIANA

15—17 октября 2002 г. на базе Новгородского межрегионального института общественных наук проходила международная научно-практическая конференция *Novgorodiana Svesiana* (Шведская Новгородика). Данное мероприятие было осуществлено при поддержке АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», Министерства образования РФ, Института перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США), Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

На конференции были представлены шведские источники по истории Новгорода и Новгородской земли, а также подведены итоги работы над проектом *Novgorodiana Stockholmensia* (1995—2002), целью которого является составление подробного описания так называемого Новгородского оккупационного архива — материалов делопроизводства Новгородской приказной избы начала XVII в., хранящихся в Государственном архиве Швеции.

Ниже мы публикуем наиболее интересные доклады участников конференции.

НОВГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИКА
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ РИХАРДА ЭКБЛУМА
(Интерпретация корней *rus-* и *varęg-*)

В своем научном творчестве шведский славист Рихард Экблум (1874—1959) уделял большое внимание так называемому варяжскому или норманскому вопросу, который активно дискутировался в научных кругах начиная с XVIII столетия. Степень участия древних скандинавов в становлении русской государственности изучалась в конце XIX—начале XX в. преимущественно по показаниям древних письменных источников, славянских и скандинавских, и отчасти по археологическим данным. Придавалось также большое значение трактовке этнических корней *rus-* и *varęg-*, для которых были найдены четкие северогерманские соответствия, доказывающие древнескандинавское происхождение. Из безусловных скандинавских этимологий этих корней исходил и Р. Экблум: корень *rus-*, по его мнению, испытавший фонетическую обработку в языке славян, а ранее — в языке прибалтийских финнов, восходит и др.-сканд. **rōḥ(r)s* 'гребля на лодке', 'место причала', **Roḥsmenn* 'гребцы, мореходы' или даже 'жители побережий'; корень *varęg-* отражает др.-сканд. **vaeringer*, **varingr* в славянской переделке, которые в свою очередь связываются со сканд. *var*, означавшим 'клятву, поруку, обет'; т. е. *варяги* первоначально 'союзники, члены корпорации'.¹ Русские летописи неоднократно упоминают *русов* и *варягов*, приходивших из-за моря на земли восточных славян, и поэтому нет ничего удивительного в том, что прямо поддержанные летописными показаниями именно скандинавские этимологии данных этнических наименований приобрели наибольшую популярность среди ученых. По сей день в тех или иных вариациях изложенные этимологии остаются наиболее предпочтительными, несмотря на то что вопрос все более становится запутанным (так, в настоящее время известно как минимум полтора десятка научных взглядов на происхождение термина *Русь*, а слово *варяг* порой пытаются трактовать как славянское или даже выводить из слова *фряг* — древнерусского наименования франков, итальянцев).

Среди исследователей «варяжского вопроса» Р. Экблум впервые решил обратиться весьма основательно к показаниям русской топонимии, источнику важному, ценному, но, отметим, и по сей день недостаточно используемому. Если по летописям известно, что деятельность русов-варягов активно протекала в окрестностях Новгорода, в Приильменье, Поволховье и вообще на севере Древней Руси, в славянском регионе, лучше других открытым для посещения скандинавов, то почему бы не поискать именно здесь топонимические следы древнескандинавского присутствия? Главными маркерами пребывания скандинавов, помимо прочих, должны быть, ес-

¹ См. рассматриваемую в настоящей статье работу Р. Экблума «*Rus- et Varęg-...*», с. 6—10, 31—40. О библиографии Экблума и других исследователей данной темы см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 276 (ст. *варяг*); М., 1987. Т. 3. С. 522—523 (ст. *Русь*).

тественно, названия, содержащие корни *rus-* и *vareg-* и дублирующие, следовательно, материал летописей. Ради изучения новгородской топонимии с указанными корнями, так сказать, на месте их сосредоточения, Р. Экблум провел многие месяцы в Новгороде в течение 1909—1911 гг. Итогом его топонимических изысканий явилась большая статья (по сути целая монография в 70 с.) на французском языке под заголовком «*Rus- et Vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod*» («*Rus-* и *Vareg-* в топонимии Новгородского региона»), опубликованная в сборнике «*Archives d'études orientales*» (Stockholm, 1915. N 11). Многие положения этой классической работы, получившие развитие и в более поздних сочинениях Экблума, будут рассмотрены ниже.

В библиотеках Новгорода, Санкт-Петербурга и Москвы Р. Экблум познакомился с трудами Неволлина, Передольского, Гедеонова, Красова, а главное — с письменными источниками, фиксирующими интересовавшие его топонимы, среди которых были новгородские летописи, писцовые книги конца XV—середины XVI в., многочисленные карты, составленные российскими и зарубежными картографами с начала XVIII в., записи приходских церквей из архивов Новгородской консистории, наконец, Списки населенных мест Новгородской губернии, которые весьма кстати были опубликованы ко времени появления Экблума в Новгороде — в 1907—1909 гг. Но Экблум не был сугубо кабинетным ученым. Он много ездил по губернии, по населенным пунктам, чтобы познакомиться с окружающей местностью и узнать об интересовавшем его названии от самих крестьян. Если же не имелось возможности лично побывать в отдаленном сельском пункте, ему помогала переписка со священниками приходских церквей и сельскими учителями, которые сообщали ему необходимые сведения. Все это показывает, насколько тщательно Р. Экблум подошел к изучению новгородских топонимов от корней *rus-* и *vareg-*. Судя по стилю и качеству работы, Экблум предстает как крупный исследователь, скрупулезно объединяющий все доступные факты, подмечающий любую мелочь, уделяющий особое внимание формальной стороне топонимов, старающийся лингвистически обосновать фонетические трансформации топонимов, избегающий голословности и вместе с тем осторожный в оценках. Его трактовки выглядят убедительными и не утратили своего научного значения, несмотря на то что указанный труд по новгородской топонимии был создан почти столетие назад.

В целом Р. Экблум обнаружил в Новгородском регионе выразительную концентрацию «этномаркирующих» наименований: 26 топонимов от корня *rus-* и 21 топоним от корня *vareg-* (карту их географического распространения он приложил к тексту). Каждому названию он посвятил отдельный небольшой очерк, в котором указано местонахождение топонима и приводятся его многочисленные фиксации по источникам, интерпретируются топонимические варианты, определяющие происхождение и эволюцию, делаются суждения относительно причин возникновения соответствующего поселения.

Р. Экблум оправданно исходит из разделения анализируемых географических имен на три категории (см. с. 58—59 рассматриваемой работы). Что касается *русских* названий, то к первой категории отнесены те, которые вос-

ходят к эпохе первых визитов скандинавов в Приильмень и прямо отражают деятельность русов-скандинавов. По мнению Экблума, это, вероятно, *Руса (Русь)*, река, упомянутая в летописи, г. *Старая Русса*, д. *Русье*, по писцовым книгам помещаемая на южном берегу Ильменя, *Русское море* — так изредка именовали в древности оз. Ильмень, две реки с общим названием *Русская* — одна упоминается в устье р. Мсты, другая — в бывшем Сеглинском погосте, находившемся недалеко от истоков Мсты; этот последний гидроним может указывать на скандинавов, осваивавших верховья Мсты и оттуда отправлявшихся далее на юго-восток.

Вторая группа *русских* названий восходит к эпохе сравнительно недавней; здесь уже отражается присутствие не древнейших русов-скандинавов, а славянорусов, самих русских, которые волею судьбы оказались в близком соседстве с поселениями нерусских — карелов, латышей и др. Речь идет о смежных деревнях, именовавшихся одинаково, но заселявшихся разными народами; в таких случаях смежные топонимы расподоблялись посредством определений, маркирующих этническую принадлежность. Так появлялись недавнего происхождения топонимы типа *Русские Новики*, деревня южнее г. Валдай по соседству с д. *Карельские Новики*, д. *Русское Огородо* в среднем Поволховье, где рядом, судя по письменным источникам, значилась д. *Латышское Огарово*, и т. д. Иногда параллельное «нерусское» название по разным причинам может отсутствовать (изменилось, утратилось либо осталось неизвестным исследователю, исчезла сама деревня), как в случаях с д. *Русская Болотница*, *Русская Волжа*, но это вовсе не является препятствием для отнесения таких названий к данной группе. Как бы то ни было, все топонимы такого рода весьма ценны как метки процессов народонаселения, колонизации, пусть и не столь древней.

К третьей категории Экблум отнес производные, вторичные имена типа *Порусье*, *Околорусье*, *Порусья*, *Русская дорога*, населенные пункты *Новая Руса*, *Росино* и *Русино* (позднее *Русса*). Они не имеют отношения к различиям этносов, раскрываются просто, стандартно, мотивированы местоположением близ главного пункта либо переселением из некоего пункта: *Порусье* — местность по р. *Русе*, *Околорусье* — местность вокруг г. *Руссы*, *Русская дорога* — ведущая в г. *Руссу*, д. *Новая Руса* и *Русино* — как метки, оставленные переселенцами из г. *Старая Русса*.

Деление топонимов на три категории, произведенное Р. Экблумом, хотя и довольно схематичное, но совершенно справедливое. Автор далек от прямолинейного отождествления этнопонима и этноса, что нередко встречалось в работах его современников, имеет место и в наши дни. Топонимы с этническими корнями *rus-* и *vareg-* нельзя в большинстве случаев возводить прямо к эпохе викингов, считая языковыми следами древнейшего пребывания скандинавов; следует прежде осмыслить отношения в самой системе близких топонимов, а не торопиться делать этногенетические заключения.

Поскольку нам тоже пришлось заниматься проблематикой топонимии с корнем *rus-* в Новгородском крае,² приведем вкратце некоторые свои наблю-

² См.: Васильев В. Л. Географические названия с основой «рус-» в Новгородском крае: Этимология и история // *Slavia orientalis*, 2001. Т. 50. № 1. Р. 63—76; Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В. Старая Русса: Тайны имени древнего города. М., 2002. С. 55—69.

дения и выводы по данному вопросу. Отчасти они дополняют выводы Экблума или уточняются ими, но есть и существенные соображения, заставляющие взглянуть на концентрацию *русской* топонимии в орестностях Ильменя несколько иными глазами. Укажем лишь отдельные моменты.

Экблум отметил не все *русские* топонимы в Новгородском регионе. Есть еще оз. *Русское* к югу от Ильменя, оз. *Русское* в Валдайском уезде, была д. *Русса* в Псковской губ. — тоже недалеко от Ильменя и г. Старая Русса. Он критически подходил к картографическим данным, справедливо полагая, что карты, составляемые обычно нерусскими картографами, пестрят ошибками. В частности, ему казалась явлением картографического мифотворчества некая д. *Русская* на речке Щилинке в среднем течении р. Шелони: Экблум полагал, что эта деревня никогда не существовала, хотя в данном случае он, скорее всего, был не прав: деревня с названием *Русская* (а точнее, видимо, *Русская Щилинка*) все-таки имелась, коль скоро близости от нее до сих пор значится деревня с коррелятивным названием *Карельская Щилинка*.

Экблум считает название г. *Руса* (позднее *Старая Русса*) архаической меткой пребывания русов-скандинавов. На самом деле, как показали наблюдения, изложенные еще в книге А. Орлова «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей» (опубликованной, кстати говоря, в уездном архангельском городе Вельске в 1907 г., т. е. перед самым приездом Экблума в Новгород) и подтвержденные позднее новыми фактами, название г. *Руса* является производным от имени смежной р. *Руса*, упомянутой в летописи. Эта река сейчас называется *Порусья*, о чем Экблум совершенно справедливо пишет в своей работе (хотя он и не выяснил, в чем причины переименования, однако догадывался, что производный гидроним *Порусья* в своем образовании явно идет от исконного гидронима *Руса*). Кстати говоря, и название оз. *Русское* (о нем Экблум не упоминает) в Южном Приильменье, из которого вытекает р. *Порусья*, имеет производный характер: *Русское* здесь буквально 'озеро, относящееся к р. *Русе*'.

Город *Руса* стал позднее крупным значительным центром солеварения, и его имя, как в зеркале, отразилось во многих других *русских* названиях в Приильменье. Некоторые из таких топонимов начали распространяться благодаря так называемому русскому промыслу — добыче соли. Корень *рус-* и корень *сол'* — стали тесно соотносить друг с другом. Стало очевидным, что название д. *Новая Руса* (или *Руса-Марево*) на р. Поле появилось не в результате переселения сюда жителей из Старой Руссы, как пишет Экблум, а благодаря появлению в данной местности соляного («русского») промысла — «русского» потому, что впервые он появился именно в г. *Руса*. То же самое касается названия д. *Новая Руса* на Мшаге, притоке Шелони (его Экблум вообще считал топонимическим фантомом, существовавшим лишь на бумаге, возникшим в результате ошибки картографов), — на самом деле в писцовых книгах этот пункт известен под двумя параллельными названиями: *Новые Русы* или *Новые Соли*; здесь тоже стали добывать соль. Такая же топонимическая ситуация с названием д. *Русье* (ныне *Ручьи*) на южном побережье Ильменя, в то время как Экблум считал эту деревню древним опорным пунктом русов. Однако *Русье* возникло потому, что здесь тоже занима-

лись «русским» промыслом, от которого в ряде мест до сих пор сохранились материальные остатки: заброшенные колодцы, сгнившие трубы и проч. Не связано с русами-скандинавами и окказиональное название оз. *Ильмень* — *Русское море*, здесь *Русское* — производное по наименованию г. *Руса*, а также средневековой провинции *Руса* в Южном Приильменье (последнее территориальное наименование в свою очередь тоже обязано своим появлением одноименному значительному городу). В целом выяснилось, что количество производных, перенесенных *русских* топонимов в Новгородском регионе больше, чем казалось Экблуму, и многие из них через название г. *Руса* сводимы к древнему названию р. Порусьи — *Руса*.

Экблум не заметил того обстоятельства, что сам по себе корень *rus-* может быть гетерогенным, иметь разные этимологии. Ему везде виделся корень *rus-* скандинавского происхождения. Но этот элемент (по крайней мере в географических названиях) может передавать прибалт.-финск. основы; ср. топонимиию типа *Русома*, *Русинга*, *Русемень* на Европейском Севере или оз. *Русское* на Валдае, которое в источнике 1849 г. именуется *Врусским*;³ вероятное членение этого лимнонима (*Вр-ус-ское*) предполагает выделение финск. суффикса *-ус* (аналогичная структура в прибалт.-финск. *Пирос-Пирус* оз. или *Пейнус* — оз. Чудское и т. д.). Но самое главное — корень *rus-*, заключенный в топонимах, в ряде случаев исконого балто-слав. происхождения; ср. рус. *русый* 'светлый (о волосах)', литовск. *rausvas* 'коричневый, бурый', латыш. *rusls* 'ржавчина'; сюда же этимологически и рус. *ржавчина*, *рдеть*, литовск. *raudonas* 'красный'. К примеру, название д. *Русаново* явно связано с *русый* 'светлый', а не с *rus-* скандинавским. Именно по отношению к балто-слав. *rus-* (а не к сканд. *rus-*, как думал Экблум) появились к настоящему времени веские основания трактовать название летописной реки *Руса*, от которого затем стал распространяться целый комплекс формально близких *русских* названий в Новгородском регионе: г. *Руса*, оз. *Русское*, р. *Порусья*, местности *Порусье*, *Околорусье*, д. *Новая Руса* (дважды), *Русье*, *Русское море* — Ильмень и др. До сих пор балканские славяне знают исконое значение корня *rus-* 'красный', оно, надо полагать, было известно и древним славянам, и древним балтам, жившим раньше славян в Приильменье. Гидроним *Руса* (означавший буквально «Красная», «Бурая») находит широкие аналогии в балтском этноисторическом ареале: р. *Russa*, *Russe*, *Rosse*, *Russa-moter* в Прибалтике, *Руза* в Подмосковье, р. *Русса* в бывшей Курской губ. и т. д. Поэтому возможно, что имя приильменской р. Русы получено от балтов, а не от скандинавов.⁴

Наконец, обозревая трактовки, сделанные Экблумом, нельзя не заметить, что он нигде не предполагает образование топонимов от личных имен, пренебрегая ономастической универсалией, в соответствии с которой, вообще говоря, образуются до 80 % географических названий в русском языке.

³ См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 3, ч. 3. Новгородская губерния. СПб., 1849. С. 11.

⁴ Впрочем, даже форма гидронима *Руса* не позволяет видеть в его основе скандинавский этноним. Принимая в расчет формальные показатели, название *Руса* допустимо было бы возвести только к некоему этнониму *руса* в собирательном значении (ср. аналогично г. *Корела* (ныне Приозерск) из *корела*, этноним), но в источниках фигурирует лишь собирательное *рус* (а не *руса*).

Скажем, в названиях д. *Росино*, *Русино* (позднее вторично переделанное в *Руссу*), *Русаново*, *Русково*, *Русуева* предпочтительней, на наш взгляд, видеть не просто колонизацию из г. Старой Руссы, а наименования от личных имен (прозвищ) землевладельцев или первопоселенцев *Росин*, *Русин*, *Русан*, *Руско*, *Русуй*.

Рассмотрим далее сделанные Р. Экблумом трактовки топонимов от корня *vareg-*. Здесь присутствуют свои, специфические сложности. Основную проблему представляет двойственность огласовки в вероятных названиях данной категории: с одной стороны, наблюдается гласный *a* (*Варяж*, *Варягово*, *Варяжский* дом), с другой — наличествуют гласный *e* (*Веряжа*, *Веряжино*, *Веряско*). Экблум не сомневается в том, что новгородские географические имена типа *Веряжа* относятся к кругу топонимии от *vareg-*. Эти основы легко варьируют в письменности; ср. показательный разницей орфографических вариантов, отмеченных Экблумом в разных списках новгородской летописи: «на *Варяжской* (*Веряжской*) великой улице» (под 1299 г.), «на великой *Варежской* (*Веряжской*, *Варяжской*) улице» (под 1542 г.), «на *Верецкой* улице» (под 1569 г.), что, вероятно, свидетельствует о единстве происхождения основ (см. с. 49). Тем не менее возникает настоятельная необходимость объяснить *e*-вокализм, деталь, на которую ранее не обращалось внимания. Отсюда следует, что в древнерусском языке имели место два варианта одного корня, давшие начало современным топонимам, — *vareg-* и не зафиксированный письменностью **vereg-*. Экблум рассматривает два возможных пути их появления. Во-первых, оба варианта могут исходить из одной древнескандинавской основы с умлаутом — **vaering-*; гласный первого слова, занимавший по фонетическому качеству промежуточное положение между *a* и *e*, при славянском усвоении мог быть передан двояко: славяне, не имевшие звукового аналога в собственном языке, ассоциировали др.-швед. *ae* то с *a* (отсюда *vareg-*), то с *e* (отсюда *vereg-*) (см. с. 33). Во-вторых (и эта возможность кажется Экблumu более предпочтительной), данные древнерусские варианты могут быть связаны с разными вариантами одной исходной основы, имевшими разную хронологию: др.-рус. *vareg-*, отразившийся в общеизвестном этнониме *варягь*, наследует древнешведскую основу **vāring-* (с долгим *a*), тогда как **vereg-* восходит к хронологически более поздней **vaering-*, развившей умлаут в древнешведском языке под воздействием переднего гласного *i* во втором слоге: *vāring-* > **vāering-*. Следовательно, топонимы типа *Веряжа*, *Веряско* (из **Веряжьско*) были оставлены во времена шведского нашествия на древне-новгородские земли независимо от уже существовавшего в языке славян этнонима *варягь* (<*varegь*). Они должны были появиться в конце I—самом начале II тыс. н. э., хронологически — после появления аблаута \bar{a} > \bar{ae} в древнешведском (начало X в.) и до перехода носового \bar{e} в \bar{a} в древнерусском (см. с. 33—34).

В том, что *Веряжа*, *Веряско* являются *варяжскими* этнопонимами, мало кто сомневался и после Экблума. Так, классик севернорусской топонимии А. И. Попов писал по поводу имени р. *Веряжа*: «Это название означает просто „Варяжская“ и притом в древнейшей форме, указывая на места первоначальных поселений наемных варягов в земле новгородских сло-

вен».⁵ Такие названия, вообще говоря, не единичны. К списку Экблума следует еще добавить д. *Веряжа* на берегу р. Полисть (Псковская обл., к западу от г. Холм); р. *Веряжка*, левый приток Лемовжи в бассейне Луги, болото *Веряжский мох* на границе Гатчинского и Лужского районов Ленинградской области.⁶ Сосредоточенные исключительно в бассейнах Ильменя и Луги, они представляют одну из характерных черт новгородского регионального топонимикона.

Тем не менее стоит заметить, что вопрос о собственно языковом отношении форм *Веряжа* и *варяг* по-прежнему нуждается в дополнительной проработке. Неясно, например, почему др.-швед. *āe* передается в письменности через слав. *e* и никогда через слав. *ě* («ять») на территории, где были распространены диалекты кривичского происхождения, имевшие реализацию праслав. *ě* в виде широкого монофтонга (ср. встречающиеся в современных северо-западных горах слова типа *ряпа* 'репа', *кяп* 'цеп', наследующие др.-кривичск. **rěpa*, **kěpъ*?), по качеству близкого к звуковым др.-швед. *āe* в **vaering-*. Близость фонетических оболочек обоих звуков могла бы отразиться в древнерусском написании топонима в виде **Вѣряжа*, но этого не произошло. Смущает и отсутствие корреляций между соответствующими формами производных топонимов и производящих этнонимов: новг. *Веряжа* выступает при отсутствии в письменных источниках коррелятивного этнонимического варианта **верягъ*, и, напротив, этноним *варягъ* не отложился в местном названии типа **Варяжа*. Может быть, от варианта **верягъ* производно наименование д. *Вериговщина* к северу от Новгорода, которое Экблум с сомнением относит к *варяжским*.

Интересную, заслуживающую внимания трактовку новг. *Веряжа* предложил позднее М. Фасмер. В «Хронике Георгия Амартола» (по списку Ундольского) и в «Житии Александра Невского» обнаруживаются древнерусские формы *вяряжскыи*, *вяряжа*, которые, по мысли Фасмера, могли возникнуть путем межслоговой ассимиляции из *варяжъскыи*.⁸ В рамках такой трактовки нет необходимости апеллировать к двум хронологическим вариантам исходного древнескандинавского слова (**vāringr* — **vāeringr*), предполагая два этапа славянской адаптации. Естественнее предположить вторичное фонетическое преобразование основы *варяж-* уже на древнеславянской (древненовгородской) почве: **варяжа* (древний диалектный этноним) → **варяжа* (диалектная модификация этнонима благодаря ассимилирующему воздействию второго слога на первый; форма, подтвержденная письменностью) → *Веряжа* (новгородский гидроним, испытавший переход 'а' > 'е, что легко объяснимо безударностью первого слога).

⁵ См.: Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981. С. 48.

⁶ В «Словаре русских народных говоров» (далее — СРНГ) (Вып. 4. С. 179) дана лексема *веряжка* со значением 'большое непроходимое болото в лесу'. Даймище Гатч. Ленингр., 1959. Скорее всего, это псевдотермин, появившийся в результате некорректной записи: собиратель записал название речки *Веряжки*, берущей начало из *Веряжского мха* как раз поблизости от населенного пункта Займище Гатчинского района Ленинградской области, где фиксировалась диалектная лексика, — позднее же этот гидроним по каким-то причинам попал в СРНГ на правах диалектного нарицательного слова.

⁷ См.: Николаев С. Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 60.

⁸ См.: Фасмер М. Этимологический словарь... Т. 1. С. 303—303.

Далее возникает необходимость выяснить морфологическое отношение вероятного этнонима *варяжа (> р. *Веряжа*) к общеизвестному *варягъ* и, в частности, обосновать появление согласного *ж* на месте *г*. Р. Экблум видел в *Веряжа* образование *ж* из **gj*, предположив деривацию на -*ja* от основы **vereg-* (см. с. 40). Однако «йотовая» деривация, характерная для праславянской эпохи, к началу II тыс. н. э. сохраняла продуктивность, пожалуй, только в кругу антропонимических основ. Поэтому, на наш взгляд, в данном случае легче предположить изменение заднеязычного не перед *j*, а перед редуцированным *ь* по первой палатализации, т. е. исходить из **veregъ* > **веряжъ*, далее к *веряжа*. Появление *ь* (вместо *ъ*) вполне объяснимо морфологическими причинами, а именно развитием у этнонима *варягъ* (> **верягъ*) собирательной формы, что потребовало в именительном падеже соответствующего суффикс-флексивного исхода на -*ь*. Аналогии многочисленны: *варяги*, **веряги* и собирательные **варяжъ*, **веряжъ* (из них далее **варяжа*, **веряжа*) противопоставляются примерно так же, как *русы* и собирательное *русь*, *ливы* и собирательное *ливь*, *самоеды* и *самоядь*, *черемисы* и *черемись*, *черемиса*; в целом же формы **варяжъ*, **веряжъ* (*варяжа*, *веряжа*) морфологически примыкают к большому ряду древнерусских собирательных этнонимов, относящихся почти исключительно к северным народам: *чудь*, *корсь*, *ливь*, *лопь*, *сумь*, *емь*, *меря*, *пермь* и т. д. Собирательная форма, параллельная индивидуализирующему имени *варягъ*, кажется вполне естественной для древнерусского периода. Практически вся северная этнонимия в древнерусском языке была охвачена категорией собирательности, и было бы более странным видеть в этнониме *варяг* исключение из правила.

Отмеченные собирательные формы имени *варягъ* по сути дела не нашли отражения в письменных памятниках. С самого начала они появились как узко территориальные варианты и в дальнейшем почти не вышли за пределы Приильменя и Поволховья. Даже будучи популярным, слово *варяг* в народной речи быстро утратило этнонимический смысл, превратившись по говорам в обозначение 'мелочного купца, разносчика', 'ловкого, проворного человека' или 'пройдохи, мошенника';⁹ что же касается его локально ограниченных, малоизвестных собирательных форм **варяжъ*, **веряжъ* (*варяжа*, *веряжа*), то они оказались почти окончательно забыты. Современный отголосок этих форм, очевидно, представляет слово *варяжъ*, зафиксированное в архангельских говорах (по происхождению новгородских!) со значениями: 'заморец' и 'заморье, заморская сторона'.¹⁰ Под заморцами и заморьем здесь легко подразумевать первоначальных варягов и варяжскую страну — Швецию; само же вторичное значение 'заморье' сохраняет как будто оттенок былой этнонимической собирательности. Другим отголоском являются, вероятно, слова *варяж*, уменьшительное *варяжка*, записанные в середине XIX в. в говорах по Волхову, — они даны собирателем с примечанием: «Может быть, остаток памяти о варягах» — и определяются как 'варяг', хотя означают, скорее всего, то же, что и диал. новг. *варяга* 'ловкий, проворный, расторопный человек'.¹¹ Как можно предполагать, поволховск.

⁹ См.: СРНГ. Вып. 4. С. 64.

¹⁰ См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. С. 166.

¹¹ См.: СРНГ. Вып. 4. С. 64.

варяж, слово мужского рода, идет из др.-новг. *варяжь, поменявшего с течением времени род с женского на мужской и вошедшего в другую словоизменительную парадигму. Морфологически адекватные формы с ассимилированным первым гласным, к сожалению, отразились только в новгородской топонимии типа *Варяжа*, *Варясско*. Эти географические названия, скорее всего, указывают на древние поселения скандинавов в Приильменье и Поволховье, именовавшиеся в диалекте местных славян *варяжей или *варяжью. Велика значимость этих топонимов с этнолингвистической точки зрения, поскольку они подразумевают участие варягов в сельской колонизации Приильменья и Поволховья. Варяги были связаны не только с крупными городами, выступая в качестве внешней военно-политической силы, но и, как свидетельствует топонимия, с отдаленными сельскими провинциями.

Р. Экблум классифицирует топонимы от корня *vareg-* по той же схеме, что и *русские* географические названия. Наряду с *Варяжа*, *Варяжка*, *Варясско* к наиболее древним названиям он отнес *Варяги* (населенный пункт Быстреевского погоста, упомянутый в XVI в.) — это бесспорный след варяжского пребывания, а также две *Варяжские* улицы, в Старой Ладоге и в селе Млево между верхней Мстой и Вышним Волочком, появление которых возводится к эпохе весьма отдаленной. По мнению Экблума, несколько позднее, приблизительно в XI в., появляются в Новгороде *Варяжская* церковь, *Варяжский* дом. Среди вторичных, производных наименований фигурируют *Поверьяжье*, *Заверьяжье*, *Варяжино*, *Участок варяжан*, *Варяжский* ям (см. с. 59).

В отличие от *русских* названий, распространенных не только в Новгородской губернии, но и далеко за ее пределами, *варяжские* названия имеют локальную географическую дистрибуцию: они сосредоточены преимущественно вокруг оз. Ильмень и вдоль больших рек — Волхова, Мсты и Ловати. Такое распределение вписывается в общен исторический контекст посещения скандинавами восточнославянских земель. Легко допустить, что варяги концентрировались в Приильменье, а оттуда по большим рекам направлялись на юг и юго-восток. Вместе с тем любопытно, что варяжских топонимических следов не обнаруживается вдоль Днепра. Экблум не исключает, что они были стерты в период восточнославянской колонизации Поднепровья.